

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

О.И. ШКАРАТАН

Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов*

В статье критически рассматривается эволюция научных взглядов на проблему социальной мобильности. Особое внимание в контексте перехода современных обществ к постиндустриальным (или, в другой терминологии, информационным, сетевым) уделяется проблеме выдвижения на первый план такого принципа социальной селекции, как меритократизм, при котором одаренные и хорошо образованные люди реально получают преимущества в социальном движении.

Ключевые слова: социальная мобильность, меритократизм, социальная селекция, элиты, равенство шансов.

The article critically regards the evolution of approaches towards social mobility problem starting. The major focus in the context of transition towards post-industrial societies (or, in other terms, informational or network societies) is devoted to the meritocratic principle of social selection, i.e. where talented and well educated people gain better advantages for social advancements.

Keywords: social mobility, meritocracy, social selection, elites, equality of opportunities.

Теоретико-методологический контекст исследования

Как аксиому я принимаю исторически обусловленное неравенство людей в прошлом, настоящем и будущем. Но исхожу из возможности при разных формах организации общества регулировать масштабы этого неравенства, характер его воспроизводства и шансы для продвижения выходцев из социальных низов в зависимости от степени открытости общества. И здесь важную роль играет социальная мобильность. Ее оценка в среде профессиональных социологов различна. В этой публикации я постараюсь сопоставить сложившиеся за долгие десятилетия существования этой теории точки зрения.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 10-03-00620а “Закрепленность и подвижность профессиональных и социальных статусов как индикаторы реализации принципа равенства шансов (на материалах представительных общероссийских опросов 1990-х–2000-х гг.)”) и Научного фонда ГУ – ВШЭ (грант № 09-01-0064 “Карьерная/внутрипоколенная мобильность в России 1990-х–2000-х годов: закрепленность и подвижность профессиональных и социальных статусов как индикаторы реализации принципа равенства шансов”).

Шкаратан Овсей Ирмович – доктор исторических наук, ординарный профессор Государственного университета – Высшей школы экономики, заведующий лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ ГУ – ВШЭ, главный редактор журнала “Мир России”.

Напомню, что изучение социальной мобильности было начато П. Сорокиным, опубликовавшим в 1927 г. книгу “Social Mobility, Its Forms and Fluctuation”. Он понимал под социальной мобильностью любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую, и показал, что существуют два основных ее типа – горизонтальная и вертикальная. Под горизонтальной мобильностью подразумевается переход индивида или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне. Под вертикальной мобильностью им подразумевались те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой. В зависимости от направления перемещения существуют два типа вертикальной мобильности: восходящая и нисходящая, то есть социальный подъем и социальный спуск [Сорокин, 1992, с. 373–374].

Следует заметить, что концепция социальной мобильности в интерпретации многих западных и отечественных авторов преувеличивает значение того специфического социального процесса, который отражен в самом этом понятии. Получается, что перемещения индивидов и социальных групп по шкале социальных статусов есть универсальное средство преобразований в социальной структуре общества. Возрастание шансов на индивидуальное продвижение из низших слоев в высшие обычно рассматривается как свидетельство большей открытости общества, его демократичности, равенства возможностей для его членов. Некоторые социологи обращали внимание на то, что исследования мобильности помогают управлению социальным развитием таким образом, чтобы менее обеспеченные граждане в процессе карьерной мобильности за счет собственных усилий вошли бы в состав продвинутой на шкале материального благосостояния страты; дети из рабочих семей увеличили бы свой шанс повысить социальный статус по сравнению с родителями; представители средних слоев – могли бы сохранить свои рабочие места и статусные позиции.

Социальная мобильность справедливо рассматривается как позитивный фактор общественного развития, поскольку содействует привлечению одаренных и динамичных людей из низов к ответственной деятельности. Это, как правило, стабилизирует конкретно-историческое общество, делает его более адаптивным к меняющимся ситуациям в технологиях производства, экономических и социальных отношениях. В то же время социальные перемещения сами по себе не меняют характера социальной стратификации. Соответственно, и исследования мобильности скорее отвечают на вопрос об эффективности использования творческого потенциала членов общества, чем на вопрос о характере социальных изменений, происходящих в нем под влиянием технологических, экономических и политических факторов.

На это важнейшее обстоятельство обратили внимание еще в начале 1920-х гг. два выдающихся русских автора, хотя, казалось бы, бывшие тогда в глаза факты повседневности подтверждали значение социальной мобильности. Приведу весьма характерное для того времени высказывание, принадлежащее перу, к сожалению, забытой ныне А. Хрящева: “Классы образуются не в порядке усмотрения или происхождения человека, а в порядке законов экономических (производственных) отношений буржуазного общества. Отдельные лица могут деклассировать, сколько угодно. От этого не изменится структура общества, так как она обусловлена требованиями отношений производства. Если структура общества такова, что в нем 10% крупнобуржуазных верхов, 40% земельных мелких собственников и мелкой буржуазии (служащих и чиновников) и 50% рабочих, то никакие восхождения и нисхождения не могут изменить этого отношения. С точки зрения образования классов важно не то, сколько и откуда деклассирует лиц, а важно соотношение классов в каждый данный момент. Индивидуальные случаи деклассирования ни на одну йоту не меняют законов образования классов... Изменение соотношений классов может произойти лишь вследствие изменения соотношений производственных функций общества” [Хрящева, 1922, с. 173–174].

Одновременно с Хрящевой оппонент коммунистического режима и марксизма, создатель теории социальной мобильности Сорокин обратился к тому же вопросу, но с политико-идеологической акцентировкой. Он привел следующий пример: «...октябрьская революция ставила своей задачей *разрушение социальной пирамиды неравенства – и имущественного и правового, – уничтожение класса эксплуататоров и тем самым эксплуатируемых.*

Что же получилось? – простая перегруппировка. В начале революции из верхних этажей пирамиды массовым образом были выкинуты старая буржуазия, аристократия и привилегированно-командующие слои. И обратно, снизу вверх, были подняты отдельные “обитатели социальных подвалов”. “Кто был ничем, тот стал всем”. Но исчезла ли сама пирамида? – Ничуть... Через два-три года разрушаемая пирамида оказалась живой и здоровой. На низах снова были массы, наверху командующие властители...

В течение 1921–1922 гг. совершалась... обратная “циркуляция”: множество рабочих и крестьян, попавших в верхи в начале революции, теперь обратно выталкиваются оттуда, и наоборот, множество лиц, выкинутых в 1917–1918 гг. из командующих позиций на низы, теперь снова поднялись *status quo ante*. В армии – наверху снова старый генералитет... и офицерство, разбавленное процентом “новичков”. В комиссариатах, кроме членов комиссий, остальные директора и начальники департаментов – старые “спецы”; здесь немало старых министров, директоров... Так дело обстоит во всех этих госпланах, совнархозах, наркоматах» [Сорокин, 1994, с. 430–431].

К тому же следует учесть, что профессиональная принадлежность (*occupation*), по которой многие десятилетия судят о характере мобильности, обладает слабой исторической устойчивостью, так как непосредственно зависит от постоянно происходящих изменений в технологии человеческой деятельности. И далеко не всегда факт получения профессии программиста сыном слесаря – свидетельство приобретения более высокого статуса в стратификационной иерархии. В то же время модели, использующие в качестве альтернативы профессиональной принадлежности такие статусные показатели, как доход и образование, также не могут претендовать на адекватность, поскольку соответствующие признаки зачастую лишены существенных качественных характеристик, что нередко вводит исследователей в заблуждение (например, из-за отсутствия разграничения массового и элитарного высшего образования или недоучета вызываемых многочисленными факторами различий в покупательной способности доходов и т.д.).

Что же скрыто за поверхностью – явлениями социальной мобильности? Социальная мобильность, на мой взгляд, – форма латентного процесса воспроизводства социальных отношений и индивидов. Это воспроизводство отражает как действие универсальных законов социального развития, так и специфические черты развития конкретных социальных организмов (государств, регионов), национальные традиции, выраженные в ценностях и нормах межгрупповых взаимодействий и связей. За мобильностью скрыты структурные изменения в обществе (см. табл.). В таблице представлена достаточно абстрактная схема, но она в наибольшей мере раскрывает ситуацию с социальной мобильностью в конкретно-исторических обществах, входящих в состав атлантической (евро-американской) цивилизации, в которой отмеченные процессы проявляются с наибольшей выразительностью. Ключевым признаком динамики социальных отношений и их проявления в социальной карьерной мобильности служит реализация в информационном обществе принципа продвижения по критерию меритократизма. В российском же обществе, как показывает анализ, доминирует принцип медитократизма, органичный для этакратической системы и диаметрально противоположный меритократизму.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Как известно, в основе традиционной и преобладавшей в XVIII–XX вв. классовой системы лежало формирование элиты, отличающейся контролем над основными средствами производства (в ином концептуальном контексте – контрольными позициями на рынке труда). Согласно Д. Беллу, М. Кастельсу, Д. Грусски и др., на смену классовой системе индустриального общества ныне

Направленность социального развития

Сферы социального развития	Направленность (вектор) социального развития
1. Направленность технологического развития	Дифференциация и непосредственная коллективность → Индивидуальная и опосредованная коллективность
2. Направленность производства	Ради прибыли/ Ради власти → Ради удовлетворения потребностей
3. Характер труда	Нетворческий, стереотипный → Творческий, самоорганизованный
4. Направленность досуга	Компенсаторный → Личностно-развивающий
5. Характер социальных отношений	Неравенство (статусная согласованность) → Неравенство (статусная рассогласованность) → Неравенство (на основе меритократических принципов)

(с конца XX в.) приходит информационное (сетевое) общество, именуемое другими авторами постиндустриальным, “продвинутым” индустриализмом и т.д.

В этом обществе в системе восходящей мобильности и формирования элит на первый план выдвигается меритократический принцип социальной селекции, при котором одаренные и хорошо образованные люди реально получают преимущества в социальном продвижении. Другими словами, главным “строительным материалом” иерархии в этом обществе, в отличие от классового индустриального (классический капитализм), являются не столько экономические ресурсы (средства производства), сколько человеческие и культурные (образование, знания, опыт и т.д.) [Grusky, 2001, p. 9]. Сохраняющаяся классовая иерархия переплетается с усиливающейся иерархией по владению человеческим и культурным капиталами. Таким образом, общественная иерархия начинает выстраиваться вдоль шкалы, измеряющей интеллектуальный капитал индивидов и групп [Брукинг, 2001; Химанен, Кастельс, 2002; Кастельс, 2000; Валлерстайн, 2003].

Что касается стран евразийского цивилизационного ареала – непосредственного предмета данного анализа, то можно предположить, что как в России, так в других неозакратических государствах роль меритократического принципа (то есть социальной селекции по креативному критерию) в формировании элиты, пополнении ее рядов, в карьерной мобильности членов общества весьма слаба. В 1993 г. я с огорчением писал о том, что реформы приходится проводить в стране, прошедшей “через три революции, две войны и сталинские казематы”, в стране «с существующей практически до сих пор системой социальной мобильности, которая в основу социальной подвижности кладет не принцип профессионализма, интеллектуальные приоритеты, а угодничество, чинопочитание. Можно сказать, что сложилось медитократическое общество, где власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет ей вести общество за собой. “Власть прозевала” – писал 23 июня 1941 г. академик В.И. Вернадский. Нечто подобное продолжает повторяться, что свидетельствует об утрате властвующими структурами способности оценивать действительность» [Шкаратан, Коломиец, 1993, с. 18]. Надо полагать, что первоначально введенное как оборот речи понятие “медитократия” вполне может служить для обозначения характерологических свойств карьерной мобильности и формирования элиты как в этакратическом, так и в пост(нео)этакратическом обществах.

Элиты во всех типах общества выделяются по критерию позиции во власти и обладанию собственностью. Пересечение и взаимодействие институтов власти и собственности предопределяет характер элиты. В обществах советского типа институты власти и собственности, как известно, не были разделены. На такой основе сложился господствовавший и в экономике, и в политике единый, целостный слой этакратии (номенклатуры), который одновременно представлял собой и высший слой в

стратификационной иерархии, и властвующую элиту в государстве. В трансформационный период, начиная с 1980-х гг., стала перестраиваться, но не рушиться взаимосвязь властостепенных отношений. Это предопределило и становление современных российских правящих слоев, их преемственность по отношению к советской номенклатуре и существенное различие с западной элитой, их медитократический характер (иная позиция, например, в [Lane, Ross, 1998]).

Медитократические основания российского и других обществ современного этатизма приводят не только к сохранению, но и к усилению доминирования принципа наследования материальных богатств и социальных связей, умножению материальных и культурных преград на путях социального продвижения выходцев из низов и динамичных представителей среднего класса. Исследования последних лет показали, что в России компетенции и прочие профессиональные качества работников с определенной должностной ступени уже не имеют принципиального значения, и главным фактором мобильности внутри российской “элиты” становится социальный капитал и лояльность вышестоящим (“единомышленничество”) [Гвоздева, 2007, с. 32–33]. Промышленность строится на основе политических и клановых назначений, устойчивой кастовости в иерархических отношениях. В целом это характеризует нынешнюю “властную элиту” как замкнутую (закрытую) социальную группу, вхождение в которую с легкостью контролируется ее внутренними участниками. Ученые пришли к выводу, что профессионально-квалификационный потенциал высшего чиновничества на верхних этапах государственного управления падает. Отечественные аналитики все чаще высказывают сомнение в корректности применения термина “элита” к российским правящим слоям. Отмечается, что правящие круги страны включают в себя группы людей, не прошедших социального отбора, ничем не подтвердивших свои преимущества перед другими членами общества, и т.д. [Гудков, Дубин, 2007, с. 76–77; Гудков, Дубин, Левада, 2007].

Состав властвующих лиц предопределен характером экономики. Экспортный оборот страны на 85% образуется за счет продажи нефти, газа и других полезных ископаемых. Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте – лишь 12,5%. Соответственно, правящий слой формируют те, кто контролируют экспорт минерального сырья и переплетенные с ними чиновничьи верхи. Эти владельцы и экспортеры отечественных сырьевых ресурсов, как справедливо отмечают многие авторы, относятся к разряду “компрадоров-буржуа”, то есть предпринимателей, чье благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических и политических факторов [Сафронов, 2007; 2009]. При этом абсолютный контроль над подавляющей частью национальных активов, и прежде всего над стратегическими отраслями экономики, как и в советское время, сосредоточен в руках политического руководства страны и государственных чиновников – менеджеров государственных корпораций.

Российская “элита” испытывает трудности с идентификацией в мировом и региональном пространствах. Ее экономические интересы требуют устойчивого взаимодействия прежде всего с Европой, но здесь возникают наибольшие напряжения, связанные с качественно различными ценностными системами, касающимися прав и свобод граждан, гуманизации жизни. Отсюда – раздвоение между естественным тяготением к Европе и устремлением к формированию собственной державности как самостоятельного центра мирового влияния. Эта элита сочетает антизападничество и особенно антиамериканизм со стремлением уподобиться западной элите, войти на равных в ее состав. Поэтому можно предположить, что и в общественном восприятии, и в реальной социальной селекции степень выраженности меритократических принципов соответствует месту страны на шкале между информационным (сетевым) и неэтакратическими обществами (подробнее см. [Ястребов, 2010]).

Многочисленные исследования экономистов, социологов, социологов убеждают и читателей, и, по-видимому, самих авторов в объективности, исторической неизбежности прихода на смену века *welfare state* в странах “золотого миллиарда” новой эпохи резкого ухудшения экономического и социального статусов основных групп

населения. Так, В. Иноземцев рассуждает о перераспределении имущественного неравенства в наиболее развитых странах. С начала 1930-х и до середины 1970-х гг. доля национального богатства, принадлежавшая одному проценту наиболее состоятельных семей, снизилась: в США с 30 до 18%; в Великобритании – с 60 до 29%; во Франции – с 58 до 24%. Но в новом цикле развития, начавшемся во второй половине 1970-х гг., капиталистическая природа западных обществ вновь проявила себя с полной силой. Доходы этого одного элитарного процента населения росли с исключительной быстротой, достигнув в середине 1990-х гг. показателей 1930-х. Так, в США эта часть населения вновь стала владеть 39% национального богатства, как было даже не в 1930-х гг., а в 1900-х гг. Второй показатель новых тенденций выражает динамику межстранового неравенства. Если в начале XIX в. средние доходы в расчете на душу населения в развитом мире превосходили в полтора–три раза показатели стран, которые сейчас именуется развивающимися, то в середине XX в. – в семь–девять раз; существующий же ныне (в начале XXI в.) разрыв составляет 50–75 раз.

Третий показатель, сигнализирующий о новых тенденциях развития глобальных социально-экономических отношений, – тенденции ослабления позиции среднего класса, усиления неустойчивости его нижних слоев и определенной части высшего слоя на соответствующих сегментах глобализирующегося рынка труда [Иноземцев, 2003]; (см. также [Фукуяма, 2004; Валлерстайн, 2003; Россия... 2003; Pocket... 2003]). Таков, на первый взгляд, контекст процессов социальной мобильности последних двух десятилетий в современном мире.

Экзогенные факторы социальной мобильности

Анализ социальной мобильности ставит вопрос об экзогенных факторах, определяющих изменения в ее характере и динамике. Рассмотрим два определяющих фактора. Первым можно считать социотехнологический фактор. Обсудим его влияние, опираясь на теоретические конструкции блистательного знатока современного мира М. Кастельса. Некоторые его выводы, приведенные ниже, раскрывают воздействие объективных экономико-технологических и собственно экономических факторов на процессы социальных отношений и социальной мобильности.

Еще в конце прошлого века Кастельс выявил, что в современной глобальной экономике усиливается фрагментация работников на информационных производителей и численно доминирующую родовую рабочую силу, происходит размывание среднего класса. Идет процесс возрастания социального статуса и доли в национальных богатствах соответствующих стран чрезвычайно узкого, элитарного слоя высокоэффективных работников. Это люди, занятые в сферах *soft-tech* и *high-tech*, в сфере производственных услуг (банковских, финансовых, страховых и т.д.), в сфере СМИ. Поскольку инновация есть основной источник производительности, знания и информация суть главные материалы нового производственного процесса, а образование – ключевое качество труда, то новые производители в информациональном капитализме суть те создатели знания и обработчики информации, чей вклад наиболее ценен для фирмы, региона и национальной экономики. Эта категория информационных производителей включает очень большую группу менеджеров, профессионалов и техников, которые образуют в итоге “коллективного работника”. Для них характерен высочайший уровень жизни, высокий престиж и т.д. В странах OECD они смогут составить около трети занятого населения. Эти новые группы среднего класса обладают специфическими функциями в современном обществе и экономике.

Большинство других работников могут принадлежать к категории родовой рабочей силы, потенциально заменимой машинами или другими членами родовой рабочей силы. Они нуждаются в информационных производителях для защиты своих позиций при заключении контрактов. Но последние не нуждаются в них: это фундаментальный раскол в информациональном капитализме, ведущий к постепенному растворению остатков классовой солидарности индустриального общества.

Для новых поколений эры, наступившей после конца *welfare state*, те люди, которые не могут следовать требованиям времени и постоянно модернизировать свою квалификацию, выпадают из конкурентной борьбы, спеляются за свои позиции в ожидании следующего раунда “уменьшения размера” того самого сжимающегося среднего слоя, который был опорой развитых капиталистических обществ индустриальной эры. Их ценность как работников и потребителей исчерпана, а их значимость как людей игнорируется. Таким образом, процесс социального исключения не только влияет на “действительно обездоленных”, но и на тех людей и на те социальные категории, что строили свою жизнь в постоянной борьбе за возможность избежать падения вниз, в мир люмпенизированной рабочей силы и социально недееспособных людей [Кастельс, 2000, с. 199–333, 497–501]. На смену прежнему социальному разделению в составе наемных работников между средним классом и рабочим классом приходит социальный разлом между информационной современной рабочей силой и основной массой национальных отрядов рабочей силы – родовой рабочей силы. Эти новые процессы пока практически не отражены в исследованиях.

Рыночная логика глобальных сетей потоков капитала предопределяет и положение современных информационных производителей. С одной стороны, ничто не изменилось по сравнению с временами классического капитализма: долю их труда присваивают их работодатели, вот почему они нанимают их в первую очередь. Но с другой стороны, механизм присвоения экономического излишка гораздо сложнее. Во-первых, отношения найма имеют тенденцию к индивидуализации, под этим подразумевается, что каждый производитель будет получать отдельное задание. Во-вторых, все больше производителей контролируют свой собственный рабочий процесс и входят в специфические горизонтальные рабочие отношения, таким образом, в большой степени они становятся независимыми производителями, подчиненными силам рынка, но реализующими свои собственные рыночные стратегии. В-третьих, их доходы часто направляются в вихрь глобальных финансовых рынков, насыщаемых именно богатой частью мирового населения. В результате они также являются коллективными собственниками коллективного капитала, становясь зависимыми от деятельности рынков капитала.

При этих условиях, считает Кастельс, мы с трудом можем полагать, что существует классовое противоречие между этими сетями высокоиндивидуализированных производителей и коллективным капиталистом глобальных финансовых сетей. Без сомнения, со стороны всякого, кто отвечает за процесс производства, часты несправедливое отношение и эксплуатация индивидуальных производителей, так же как и большой массы родовой рабочей силы. Однако сегментация рынка труда, индивидуализация работы и диффузия капитала в круговороте мировых финансов совместно вызвали постепенное разрушение классовой структуры индустриального общества.

Другие авторы также отмечают такой новый процесс, как размывание среднего класса, процесс нисхождения традиционных “белых воротничков” с потерей устойчивых позиций на своих сегментах рынка труда, со сжатием ресурсной базы для воспроизводства социального статуса и передачи накопленного социального капитала и высокого уровня человеческого капитала следующему поколению. Это существенно сужает возможности восходящей социальной мобильности для выходцев из низов и резко повышает нисходящую мобильность из среднего класса. В частности, Г. Шинсток пишет о новом типе инновационно активного работника. Для всей экономики, по его наблюдениям, характерна тенденция к постоянному увеличению ученых и исследователей в составе рабочей силы. В современном мире большое значение приобретают так называемые когнитивные способности – способности интерпретации информации, самостоятельной постановки и решения проблем. Одно из важных качеств современного работника – его рефлексивность, то есть способность представлять различные пути решения проблемы и делать выбор между ними. Работники, все чаще сталкиваясь с абсолютно новыми, плохо определенными проблемами, вынуждены предлагать оригинальные решения. Соответственно, растет значимость теоретических

знаний и подготовки: культуры поиска ответа на вопросы, инструментов решения проблемы, приобретения нового знания. Работники должны уметь применять теоретические знания на практике. То есть теоретические и практические знания должны быть интегрированными. Кроме того, современный специалист должен обладать широким спектром знаний, способностью к мультидисциплинарной деятельности и экспертизе. Более того, специалист должен постоянно приобретать новые знания и компетенции. Только так он может быть готовым к постоянному решению новых проблем. Кроме того, он должен обладать социальными навыками: способностями к автономному принятию решений, готовностью к ответственной работе, уверенностью в себе, толерантностью к идеям других. Наконец, такие психологические характеристики, как креативность, уверенность, предпринимательский дух в условиях экономики, основанной на знаниях, становятся все более значимыми для современного высококвалифицированного специалиста [Schiensstock, Hämäläinen, 2001; Schiensstock, 2007].

М. Кон в цикле работ, выполненных на сравнительных данных по США, Индии, Польше, Украине, доказал первостепенную значимость в современной экономике степени автономности профессионала в работе, его ресурсов для принятия самостоятельных решений. Он использовал такие индикаторы, как автономность в работе, относительную сложность работы, предсказуемость/привычность, а также строгость контроля за выполнением рабочих заданий [Kohn, 2006]. Наблюдаются и такие явления, как искусственно создаваемая занятость, в том числе и для низших слоев среднего класса. Все меньшая доля экономически активного населения нужна для производства запрашиваемых потребителем товаров и услуг. Возрастает подвижность профессиональной структуры. Резко увеличивается количество самых разных жизненных форм и стилей, не сводимых к сословным, слоевым или классовым членениям.

Общий вывод проведенных исследований – признание того, что под влиянием сил, присущих поздней индустриализации и становлению информационной экономики, происходят фундаментальные изменения в стратификационных системах. В результате возрастает социальная дифференциация и разнообразие рабочих позиций, а в итоге меняется и характер социальной мобильности.

По Каstellу, передовые технологии дали толчок возникновению новых занятий, требующих большей квалификации и лучшей подготовки, что, в свою очередь, компенсируется более высоким материальным вознаграждением и общественным престижем. Как следствие расширяется круг рабочих позиций, у которых образование и специальная подготовка становятся все более важными факторами на входе в профессиональную иерархию. В итоге усиливаются и межгенерационные, и внутривнутригенерационные вертикальные и горизонтальные перемещения. Иными словами, для индивидов и групп становится характерной тенденция к уменьшению стабильности позиций в ранжированной стратификационной иерархии. Уровень мобильности возрастает в основном вследствие роста “списка” профессий в середине профессионально-квалификационной иерархии, то есть за счет горизонтальной мобильности, хотя активизируется и вертикальная, главным образом, за счет сжатия “списка” занятий в нижней части отмеченной иерархии. Нельзя не обратить внимание (при любой степени увлеченности идеями социотехнологического прогресса) на плачевные для миллионов вчера еще благополучных людей негативные следствия нового этапа прогресса науки и техники. И здесь огромную, определяющую роль играет проводимая национальными правительствами *социальная политика*.

Ключевое значение именно политического фактора раскрыл не социолог и даже не политолог, а лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман. Он решил выяснить, что способствовало переходу от того состояния масштабного неравенства, которое характеризовало американское общество начала XX в. (периода так называемого “позолоченного века”), к относительному равенству послевоенного времени [Кругман, 2009]. По его мнению, ведущую роль здесь играла политическая воля правительства, осознавшего, что предотвращение социального взрыва возможно только при условии изменения налоговой и социальной политики. Всего лишь за нескольких лет,

благодаря политике Ф. Рузвельта и был сформирован знаменитый американский средний класс. Эта политика – помимо известных кейнсианских методов регулирования процентной ставки и финансирования общественных работ – основывалась на кардинальном изменении системы налогообложения и введении практики регулирования заработной платы в большинстве отраслей промышленности.

Это не было связано с изменением соотношений в контроле за создаваемой в экономике новой стоимостью. В 1929 г. лишь 33% валового дохода корпораций присваивались их собственниками, а 67% шли на оплату труда. Четверть века спустя, после всех реформ Ф. Рузвельта и Г. Трумена, соотношение почти не изменилось: наемные работники получали 69% валового дохода, предприниматели 31%. Однако качественно изменились налоги. Накануне Великой депрессии доля государственных расходов не превышала 1,4% ВВП, а самая высокая ставка налога на доходы (применявшаяся практически исключительно к крупным дивидендам) составляла 24%.

На протяжении первого срока президентства Рузвельта максимальный налог на доходы был повышен с 24 до 63%, в течение второго – до 79%, а к середине 1950-х гг. он достиг... 91%! Налог на прибыль корпораций вырос за тот же период с 14 до 45%, а на крупные наследства – с 20 до 77%. В результате доля национального богатства, которая контролировалась богатейшей 0,1% американцев, упала за эти годы вдвое – с 21,5% до менее чем 10%. Следствием стало сокращение разрыва в доходах, которое произошло в США с 1920-х по 1950-е гг., резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации зарплаты самих наемных работников. В новых условиях богачи лишились большей части недвижимости, которую стало невыгодно содержать; распространились благотворительные фонды, ставшие альтернативой отъему государством значительной доли передаваемых по наследству состояний; практически искорененным оказался класс прислуги и домашних работников.

Кругман утверждает, что если измерять состояния богатейших американцев в сопоставимых ценах, то окажется, что в 1900 г. в США жили 22 человека, чье состояние превышало 1 млрд долл. в ценах 2008 г. К началу Великой депрессии их число выросло до 32 человек, но в результате новой политики оно сократилось до 16 в 1957 г. и 13 в 1968-м. Зато в 2008 г., подчеркивает автор, в США насчитывается... 160 миллиардеров. Таким образом, масштабный рост благосостояния в 1950-е и 1960-е гг., и переход от общества, пораженного крайним неравенством, к относительно равномерному распределению доходов, был прежде всего результатом осознанного политического выбора, а не следствием “естественного” экономического развития. Кроме того, со времен Рузвельта помимо повышения налогов повсеместно стала вводиться практика социального страхования, включая пособия по безработице, выплаты по старости, пособия на детей и т.д. Все это привело к тому, что за 1920-е–1950-е гг. США стали страной победившего среднего класса. Быть либералом для Кругмана – значит поддерживать курс на сохранение общества среднего класса, стремиться предоставить гражданам как можно больше социальных услуг, гарантировать равенство всех перед законом, стимулировать участие в политической жизни страны. Можно даже утверждать: целью либералов, по Кругману, должна стать минимизация острых противоречий и конфликтов, существующих в обществе; придание его развитию поступательного и эволюционного характера; управление не столько на основе навязывания воли большинства, сколько на базе широкого консенсуса.

Каковы последствия неолиберального (консервативного) властвования в социальной сфере при Р. Рейгане и Бушах, когда республиканская администрация резко снизила налоги на наследство и по сути отменила налог на недвижимость? По Кругману, в результате уровень неравенства в США начала XXI в. стал соизмерим с тем, что существовал в 1896 г. (1% наиболее состоятельных американцев контролируют 42% общественного богатства, получают 26% ежегодных доходов и имеют в собственности около 70% всех торгуемых на биржах ценных бумаг; в конце XIX в. эти показатели составляли, соответственно, 41, 32 и 84%). Если принять прирост национального

богатства в США в 2000–2007 гг. за 100%, более 73% его пришлось именно на долю этого 1%. Как подчеркивает Кругман: “У высших 0,1% населения доходы подскочили в пять, а у 0,01% в семь раз по сравнению с 1973 годом”, зато “если мы взглянем на медианную заработную плату мужчин в возрастном диапазоне от 35 до 44 лет, то обнаружим, что в 1973 году с поправкой на инфляцию она была на 12% выше, чем теперь” [Кругман, 2009, с. 137, 134].

Более того, пишет Кругман, “наибольшая величина показателя перехода из одного социального слоя в другой наблюдается в Скандинавских странах¹, а в США такая мобильность ниже, чем во Франции, Канаде, а возможно, даже и Великобритании; американцы не просто не обладают равными возможностями; этих возможностей у них даже меньше, чем у жителей других западных стран” [Кругман, 2009, с. 267]. Важнейшей задачей либералов начала XXI в. он считает сокращение социального неравенства и увеличение возможности равенства шансов.

Динамика равенства шансов в обществе и этапы развития теории социальной мобильности

Можно, пожалуй, выделить три основных этапа развития собственно теории социальной мобильности как таковой. Первый непосредственно следует за появлением основополагающей работы Сорокина. По времени он совпал с серьезными социотехническими и социально-экономическими сдвигами в американской экономике, с огромными притоками мигрантов из других регионов мира. Другими словами, это были десятилетия активной социальной мобильности. (Я беру за основу рассмотрения классику американской литературы 1960-х–1970-х гг.)

П.М. Бло и О.Д. Данкен рассматривали каждую группу занятий двояко: как “потребителя” людских ресурсов и как “поставщика” рабочей силы [Blau, Duncan, 1967]. Способность того или иного вида занятий выступать потребителем и поставщиком на рынке труда зависит от таких факторов, как временные изменения структуры занятости (в частности, в течение жизни одного поколения), дифференцированная рождаемость и смертность внутри категории и открытость или замкнутость иерархии занятий. Анализ вскрыл интенсивную мобильность среди мужской части населения США. При этом превалировала мобильность по восходящей линии. Более частыми были перемещения в пограничных стратах, а не через несколько ступеней. Низшие “белые воротнички” и низшие “синие воротнички” (включая неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих) реже всех наследовали занятия отцов и были высокомобильными. Низшие “белые воротнички” совершали в основном восхождение в высшие страты, хотя какая-то их часть была вынуждена перейти в разряд “синих воротничков”. Подобным же образом сыновья из семей, относящихся к категориям низших “синих воротничков”, чаще становились высшими “синими воротничками”, а небольшая их часть проникала даже в разряд “белых воротничков”. В итоге можно сказать, что американцы городского происхождения наталкивались на реальный барьер: “белые воротнички” – “синие воротнички”, однако препятствие оказывалось относительно преодолимым.

Бло и Данкен также показали относительное значение для профессиональной мобильности индивида ряда факторов, связанных с происхождением: тип занятия отца, национальности, величины родительской семьи, типа и размера населенного пункта, полученного образования. Они подчеркивают, что отцовский статус оказывает множественное – как прямое, так и косвенное – влияние на достижения сыновей в сфере образования. При этом в обществе усиливается связь между образованием и профессиональным успехом. Пока эта связь не будет ослаблена, возможности роста социальной мобильности останутся ограниченными, а роль образования как фильтра при

¹Эти сведения подтверждаются результатами уже упомянутого исследования Г. Ястребова, выполненного по материалам Европейского социального исследования за 2006 г. [Ястребов, 2010].

входе в профессиональную иерархию сохранится, способствуя увековечиванию социального неравенства.

При построении стратификационных шкал в работах американских социологов была применена классификация занятий на основе “социально-экономического индекса” Данкена. Новаторство Данкена состояло в том, что он отметил обстоятельство, по которому строить классификацию занятий на основе данных о прямых оценках престижности, как делалось до него многими авторами, нецелесообразно. Такая методика ненадежна и охватывает небольшой круг занятий. Он предложил использовать данные переписей населения по полному списку занятий, а последние классифицировать по двум параметрам – доходу (доля лиц с заработной платой не ниже определенной суммы) и уровню образования (доля лиц с высшим образованием). Оба эти показателя корректируются по возрасту занятых (впрочем, основываясь на своих расчетах, Данкен замечает, что возрастное взвешивание не очень важно). Финальный индекс рассчитывается на основе уравнения регрессии, в связи с чем весьма интересно замечание автора методики о том, что вряд ли может существовать единый индекс, пригодный для любых целей и в любых условиях. Сам Данкен и его последователи интерпретировали величину индекса как косвенную оценку престижа занятий, но более надежную, чем его прямое измерение.

В том же направлении велись изыскания Д. Фитермана и Р. Хаузера, чьи работы обрели репутацию высококомпетентных [Featherman, Hauser, 1977; 1978]. Примечательно, однако, что эти авторы пошли дальше Бло и Данкена, предложив учесть в анализе таблиц мобильности экзогенные факторы, а именно, пространственно-временные изменения в структуре занятости, связанные с такими объективными экономическими процессами, как технический прогресс, урбанизация, расширение сферы услуг и т.д. Анализируя материалы масштабных представительных опросов американского населения в 1962 и 1972 гг., авторы пришли к выводу, что такие традиционно рассматриваемые исследователями факторы ограничения мобильности, как гендерное и расовое неравенство на самом деле не оказывают значительного влияния на траектории индивидуальных социальных перемещений. В то же время классовая принадлежность родителей оказывает значимое воздействие на распределение жизненных шансов детей. Это воздействие к тому же отличается постоянством во времени.

Словарь наименований занятий (Dictionary of Occupational Titles) с 1939 г. в США уже выдержал несколько изданий, последнее из которых – четвертое – вышло в 1977 г. и дополнялось дважды (в 1982 г. и 1986 г.). Сегодня вся документация этого издания размещена в открытом доступе в Интернете (<http://www.occupationalinfo.org/>). Цель Словаря – упорядочить и классифицировать информацию о занятиях. Каждое наименование в Словаре сопровождается описанием содержания работы, оснащенности труда, характеристик продукта или иных результатов труда и т.д. Кроме того, все перечисляемые виды занятий оцениваются по многим значимым характеристикам, измеряющим сложность работы, требования к квалификации и образованию, способности, интересы, прочие психологические и физические свойства индивида, необходимые для успешного выполнения задач, предусмотренных тем или иным занятием. Существенно, что эти характеристики прежде всего описывают желаемые свойства работника, а не выполняемой им работы. Детализированное описание занятий дает возможность исследователям в зависимости от анализируемой проблемы применять специфические классификации занятий. Таким образом, Словарь – уникальный в мировой практике базовый источник для изучения социальной стратификации.

Основываясь на этих и иных данных, последователи Бло, Данкена, Хаузера, Фитермана обычно приходят к выводу, что американское общество – бесклассовое общество открытого типа в отличие, скажем, от Великобритании с ее классовым, чопорным обществом. Доминирующее мнение университетских профессоров-традиционалистов таково: в американском обществе – обществе возможностей, обществе равных шансов – большинство может, несмотря на некоторые ограничения, перемещаться по иерархической лестнице вверх и вниз. По мнению, преобладающему в американском

социологическом сообществе, класс – устаревшая идея, родившаяся в XIX в. и неуместная для понимания прогрессивного индустриального или постиндустриального общества. Тенденции полной модернизации ведут к устранению классовых различий и способствуют возникновению общества, в котором достоинства и способности имеют большее значение, чем социальное происхождение.

Многие европейские социологи, напротив, в те же 1970–1980-е гг. не были склонны переоценивать ситуацию с равенством шансов в так называемом открытом обществе. Например, Б. Шефер отмечал, что социально-профессиональная структура населения Германии имела и к середине 1970-х гг. “паразитическое сходство” со структурой 1939 г. [Schäfer, 1976]. Резко отрицательную оценку возможностей индивида в области социальной мобильности в условиях французского общества в те же годы дал Ж. Марсо. Социальная мобильность населения, подсчитанная в пределах жизни одного или двух поколений, подтверждает жесткую неизменность социальной структуры в стране. Миф о “равных возможностях” – миф как для США, так и для Западной Европы. Даже если считать профессиональную мобильность главным показателем социальной мобильности, то и в этом случае обнаруживается преобладание наследования занятий и профессий из поколения в поколение. “В течение 30 лет экономического развития, с 1945 по 1975 г., здесь сохранялась в большей мере тенденция к неизменности на каждом уровне социальной и классовой структуры, чем к изменению; верхний и нижний слои иерархии оставались изолированными” [Marceau, 1977, p. 99]. Анализ тех же процессов, проведенный Л. Дуберман в США, не подтвердил тезиса большинства его коллег, о наличии в этой стране больших возможностей для социального и экономического продвижения, чем в других индустриальных странах: “В течение целого столетия американская классовая структура сохранялась относительно неизменной в аспекте большей открытости или закрытости” [Duberman, 1976, p. 113].

Новый этап в изучении социальной мобильности был начат П. Бурдьё, Дж. Голдторпом и целым рядом их коллег. Этап позитивных эмоций от открытости западного общества с его широкими возможностями по вертикальным социальным перемещениям благодаря оправданной критике слева стал угасать. И вот, наконец, из академических кругов были нанесены сокрушительные удары. Была раскрыта реальная роль образовательной системы в социальной стратификации общества и реализации принципа равенства шансов. Инициатором этого научного направления стал Бурдьё [Bourdieu, Passeron, 1977], который доказал, что, несмотря на широко распространенные требования равенства возможностей, элиты приспособили новые стратегии для обеспечения своей преемственности от поколения к поколению. Образовательная система стала ключевым моментом этих стратегий. С помощью педагогических методов, отношений между учителем и учениками, отбора учебных курсов и методов селекции экономически привилегированные и хорошо образованные дети получили преимущества по сравнению с менее привилегированными и менее обученными. Другими словами, образовательная система, несмотря на ставшее в результате демократических реформ общедоступным полное среднее и высшее образование и возросший уровень обучения в целом, не только не разрушила классовое и культурное неравенство, а скорее усилила его.

В целом теория воспроизводственной функции образования доказала, что родители с престижными занятиями способны использовать собственные социально-экономические ресурсы, чтобы дать своим отпрыскам хорошее образование. В свою очередь, это помогает детям занять престижные рабочие места. Бурдьё делает акцент на культурном капитале. Он утверждает, что родители не только вручают детям образовательные “верительные грамоты”, но и создают культурную среду, содействующую развитию разнообразных способностей, которые вознаграждаются в образовательной системе. Таким образом, воспроизводство классовых отношений, классовых привилегий включает и такую составляющую, как культурный капитал. Но это классовое отношение воспроизвести неизмеримо труднее, чем отношения владения. Оно воссоздается косвенно, через получение хорошего образования. При этом, по Бурдьё, куль-

турный капитал – языковая и культурная компетенция. Он складывается в результате чтения книг, посещения музеев, театров, концертов, освоения манеры речи и межличностного общения и т.д. Сюда добавляется образовательный капитал – личная собственность обладателей дипломов и ученых степеней, полученных в тесной связи с классовой позицией родителей.

По мнению Бурдьё, репродуктивная функция школы есть следствие действий господствующих классов, обеспечивающих свое воспроизводство. В ранние периоды промышленного капитала “воспроизводственная стратегия” собственников была прямым переносом (передачей) прав собственности. После Второй мировой войны популистское требование равенства образовательных возможностей, так же как и рост отделения собственности от управления фирмами, установление “рациональных” процедур подбора и продвижения менеджеров вызвали надобность в менее прямых стратегиях социального воспроизводства. Собственники крупных состояний приспособили новую стратегию, конвертируя экономический капитал в образовательный. Используя свои экономические ресурсы для получения хорошего образования детьми, собственники смогли закрепить позиции части своих наследников. Конечно, эта стратегия была наиболее успешной для тех, кто сами обладали солидным культурным и образовательным капиталом. Все это, естественно, не отрицает возможности для индивидумов, обладающих талантом, достичь академических успехов, а затем и высокой социальной позиции вне зависимости от происхождения. Но такие случаи не носят массового характера. Ведь образование – путь к занятию позиций контроля в экономике, что в современных условиях более значимо, чем владение собственностью. Однако есть области деятельности, где без стартового капитала не занять высокой социальной позиции [Bourdieu, Passeron, 1977; Bourdieu, 1981].

Дальнейшее развитие идеи Бурдьё получили у выходца из его научной школы Д. Берто, критически оценившего пригодность теорий социальной мобильности для объяснения проблемы детерминации человеческих судеб. Социальная мобильность не раскрывает целостной картины жизни индивидов в социальной структуре общества; теория социальной мобильности не смогла даже заложить своих собственных основ. Встречно им была предложена концепция антропономического процесса², который определяется автором как целостный процесс производства, распределения и использования людей в классовой структуре общества (см. [Bertaux, 1977]; в 1983–1989 гг. также выходили “Cahiers d’anthroponomie”).

Берто выдвинул в качестве основной задачи исследователя анализ структуры общественных отношений, определяющих социальные траектории людей, то есть человеческие судьбы. Существенными при этом оказываются два момента: начало этих траекторий, то есть место семьи, где человек родился, в классовой структуре общества, и кривая дальнейшей его социальной жизни. При таком подходе проблема социальной детерминации судеб людей может изучаться как проблема распределения людей по различным сферам социальной жизни или по различным уровням социальной стратификации. В частности, опираясь на надежные данные, Берто подтвердил, что шансы сына рабочего стать руководителем или лицом свободной профессии в 12 раз меньше, чем у выходцев из той же среды. Нельзя добиться равенства шансов при неравенстве условий жизни, заключает автор.

Сторонники антропономической концепции считали некорректным определять социальное положение человека только по виду его занятия, надо учитывать индивидуальные характеристики человека, особенно отношение к жизни, к выполняемым функциям. Понятие “человек” при этом рассматривается не как отображение отдельной личности, а как элемент социальной группы. В связи с этим процесс антропономического распределения людей (ключевое понятие, означающее распределение людей по разным социальным группам) изучается не как сумма индивидуальных перемещений, а как система коллективных потоков, в известной мере питающих социальную

² Термин “антропономия” включает два греческих слова – антропос (человек) и номос (закон).

стратификацию. А их невозможно изучать вне представления об этой стратификации как в общетеоретическом, так и в конкретно-историческом плане.

Какие же фундаментальные отношения предопределяют этот процесс распределения людей? Сорокин отводил ключевую роль семье и школе, М. Вебер – рынку труда. Но, по Берто, эти концепции ошибочны, так как, пройдя семью и школу, люди вовсе не предоставлены своей собственной судьбе; напротив, направления траекторий их жизни в основном предопределены заранее, самим местом в мире труда и капитала.

Человек проходит этапы, которые характеризуются рядом разнородных понятий: рождение, выращивание, социализация, воспитание, обучение, рынок труда, мобильность, женитьба, потребление и другие. Антропомический подход притязает на воссоздание этого единства. Здесь, в частности, важны социально обусловленные отношения в семьях, организация быта, досуга, жилой среды. Социальная политика государства в этой сфере направлена на внедрение определенной формы существования работников вне работы, которую можно определить как “рабочебуржуазную форму”.

Антропомический анализ раскрывает также ряд механизмов, благодаря которым различные классы воспроизводят себя в своих детях³. Среди них четыре главных: передача капитала, обеспечивающая воспроизводство слоя капиталистов; наследование земли и мелких средств производства, обеспечивающее воспроизводство крестьян, мелких торговцев и ремесленников; система образования, обеспечивающая воспроизведение руководителей и лиц свободных профессий; и наконец, отсутствие всех этих факторов, обеспечивающее воспроизводство наемных работников.

Второй, не меньший по значимости удар по первоначальной упрощенной схеме вертикальной социальной мобильности, “органичной для открытого общества”, нанес Дж. Голдторп, убедительно продемонстрировав ограниченность обыденного представления, что выравнивание материальных условий жизни существенно сближает шансы на социальное продвижение выходцев из разных социальных слоев/классов. Результаты фундаментального исследования, проведенного знаменитой кембриджской группой социологов в 1960-х гг., четко обосновали и подтвердили на надежном эмпирическом материале суть характерологических различий между работниками физического и умственного труда и развеяли сложившийся в конце 1950-х гг. миф о сближении рабочего класса со средними слоями [Goldthorpe... 1968; 1969].

Распространению этого мифа способствовала ставшая, можно сказать, общепризнанной идея о принятии рабочими образа жизни и системы социальных норм и ценностей, присущих средним слоям. Голдторп и его коллеги выявили, что, несмотря на улучшение благосостояния рабочих, стиль их жизни и отношение к работе существенно не изменились. Оказалось, что у них отличные от “белых воротничков” трудовые мотивы. Ими движут в основном лишь материальные факторы, а отнюдь не возможности карьерного роста, повышения социального статуса или иные социально-психологические стимулы. Многие рабочие стремились дать своим детям хорошее образование, но руководствовались при этом не желанием повысить их социальный статус и ввести их в “высший круг”, а надеждами обеспечить им хороший заработок. Общественно-культурная жизнь “синих воротничков” менее активна и разнообразна, свое вне рабочее время они в большей степени склонны проводить дома в семейном кругу.

Рассматривая соотношение нового среднего класса и рабочих, Э. Гидденс подтвердил идею Голдторпа и его соавторов относительно существенных различий между обеспеченной квалифицированной частью рабочего класса и новым средним классом в характере социальной мобильности. Он выделил при этом два момента. Во-первых, традиционное превосходство белых воротничков в отношении трудовых гарантий, которыми они обладали. Во-вторых, две эти категории имели разные модели динамики

³ Имея дело со сложными жизненными траекториями отдельных индивидов все эти работы опираются преимущественно на результаты качественных этнографических исследований, глубина и тщательность которых не может в полной мере возместить недостаток, связанный с тем, что полученные выводы, как правило, основаны на непредставительных данных и не могут быть распространены на общество в целом (см. [Берто, 1997; Берто, Берто-Вьям, 1992; Bertaux, 1977]).

трудовых доходов в течение трудовой карьеры. Для рабочих была характерна “понижающаяся” кривая доходов, в отличие от “белых воротничков”, которым зачастую был гарантирован ежегодный прирост доходов. В дополнение к этому, количество рабочих часов в неделю было больше у работников физического труда. В-третьих, более значительная доля работников умственного труда получала различные дополнительные льготы – пособия по болезни, пенсии; также в большинстве стран эти работники пользовались значительными налоговыми льготами [Giddens, 1995]. Гидденс отмечал, что заводской клерк в большей степени разделял условия труда, характерные для более высоких менеджеральных позиций, нежели для цеховых рабочих.

Но, возможно, эти представления устарели? За прошедшие десятилетия и качество обучения в школах для детей из обычных семей, и уровень жизни самих этих семей изменились к лучшему. Однако Голдторп продолжает утверждать, что XX в. не внес изменений в эту ситуацию, то есть что классовая принадлежность по-прежнему решающим образом влияет на межпоколенную и карьерную мобильность молодого поколения. В одной из последних работ его последователей Р. Брига и М. Яйша была предпринята попытка разобраться, прав ли Голдторп, что дистанции в уровне образования молодежи из различных социальных классов практически не изменились на протяжении большей части XX в. [Breen, Yaish, 2006, p. 232–258]. Основным механизмом, использованным для раскрытия модели принятия семьями решений относительно образования детей, – “относительное неприятие риска”. Это означает, что основная образовательная цель молодежи (и их семей) – достижение такого уровня образования, который позволит им достигнуть классовой ступени, как минимум, такого же уровня, что и изначальная ступень их семей. Другие исследователи нашли подтверждения этому аргументу (см. [Need, Jong, 2001; Davies, Heinesen, Holm, 2002]).

Авторы задались вопросом, почему дети с одинаковыми способностями и достаточными финансовыми ресурсами семьи, но разного классового происхождения принимают разные образовательные решения. В пределах всех систем образования существуют моменты, когда молодые люди стоят перед выбором: пойти по более или менее рискованному пути. Они приводят следующие примеры альтернатив: пойти по научному (рискованный) или профессиональному (менее рискованный) пути; остаться и продолжить обучение или вообще покинуть систему образования. Риск возникает в связи с тем, что от различного выбора зависит ожидаемая полезность, а также потому, что студенты, выбравшие более рискованный путь, возможно, так и не смогут его завершить.

Начиная с 1974 г. возраст завершения обязательного обучения в школе составлял 16 лет. В этом возрасте исследуемые обычно сдают первые государственные экзамены, встречаются с первым в жизни выбором: покинуть школу и войти на рынок труда, покинуть школу и продолжить обучение в другом месте или продолжить обучение в школе. Следующая точка важного выбора в английской системе образования возникает при окончании средней школы, обычно в 18 лет. В этом возрасте ученики обычно проходят государственные экзамены (продвинутый уровень) и делают второй основной выбор касательно карьеры. Вновь перед ними предстают три основные альтернативы: покинуть школу и войти на рынок труда, покинуть школу и продолжить обучение в неуниверситетском профессиональном учебном заведении или поступить в университет. Согласно предположениям авторов (Брига и Голдторпа), даже при близости способностей/даровитости молодого человека и финансовых ресурсов семьи классовое неравенство при осуществлении образовательных решений сохраняет свое влияние, и, таким образом, на принятие образовательных решений учащимися воздействуют три фактора – денежные средства семьи, способности учащегося и классовое происхождение.

Исследование подтвердило, что молодые люди различного классового происхождения ориентированы на разные пороговые уровни образования, которых они стремятся достигнуть в качестве минимума. Восприятие оптимального уровня образования будет различаться, вызывая различия в склонностях при выборе альтернативных образовательных или необразовательных вариантов карьеры. Это подтверждалось и

наблюдениями авторов за занятием респондентами классовой позиции на первом месте работы, последнем месте работы к 23-м годам и последнем месте работы к 33-м годам. Были построены таблицы вероятности классовой позиции в зависимости от достигнутого уровня образования. Отличительная особенность исследования состоит в прогнозе, который строится на данных о склонности детей из различных классов выбирать разные образовательные стратегии, даже если дети не различаются ни в личных убеждениях о возможности преуспевания в системе образования, ни в возможности оплачивать затраты на обучение.

Таким образом, как демонстрируют западные ученые, в современном мире образование играет особую роль как институциональный фактор социальной мобильности. У населения сформировалось представление о социальной мобильности “с помощью образования”. Как отмечают авторы исследования 2000-х гг., проведенного в США и на Тайване, «родители рассчитывают, что образование детей это “прямая дорога” к успеху. В эру возрастающего уровня просвещения одним из критериев успешного отцовства и материнства является получение их ребенком, как минимум, не менее качественного образования. Кроме того, ученые, изучающие социальное неравенство, считают, что родительские образовательные достижения устанавливают минимальный уровень достижений ребенка, потому что он сталкивается с физическими затратами при ухудшающейся (относящейся к разным поколениям) мобильности. Однако в исследованиях достаточно редко пробуждается ясность этой идеи при анализе школьного развития» [Mare, Chang, 2006, p. 196]. Однако все иллюзии постепенно развеиваются. Образованные работники в иерархии власти и собственности занимают те же позиции, что и их менее образованные родители. Образовательная система также стратифицировалась, разделившись при формальном равенстве уровней (скажем, высшее) на элитарное, повышенное, “среднее” и с низким уровнем. Поэтому современное образование скорее камуфлирует реальное неравенство, чем служит “лифтом” по выравниванию позиций. Формируются иллюзии, что на смену социальным причинам распределения власти и привилегий приходят (подменяют их) “естественные” причины, связанные с индивидуальными природными способностями людей.

Полноление правящего класса из лучших представителей всех слоев общества, теоретически, казалось бы, не представляющее проблемы в наиболее открытой системе, на самом деле никогда не было реализовано, так как господствующие обычно стремятся сохранять максимальный контроль над социальными благами, выдвигая барьеры законов и обычаев для сокращения возможностей продвижения выходцам из низов. При этом, естественно, возникают дилеммы, вытекающие из понимания пользы, которую могут принести исключительно способные члены низших страт, если их допустить в верхние слои, и которую последним принесет социализация этих людей, или из понимания того, что максимальная закрытость правящего класса делает его не способным к решению задач, стоящих перед обществом; наконец, из того, что при высокой степени закрытости верхов неизбежно появляются диссиденты, возникает угроза революционного движения. Разница между открытыми и закрытыми обществами в этом плане лишь в большей или меньшей остроте проблемы соотношения между потребностью общества в неограниченной мобильности его членов и возможностью, предоставляемой правящим классом.

Третий, современный этап в анализе социальной мобильности и определении ее места в трансформации социально-экономических отношений в постиндустриальном мире еще не сформировался. Речь, пожалуй, может идти лишь о намечающихся трендах. В 1990-е–начале 2000-х гг. интерес западных исследователей к анализу социальной мобильности в своих странах в значительной мере упал в связи с относительной устойчивостью этих обществ на протяжении последних десятилетий. Однако исследования продолжились, причем наиболее интересные из них носили межстрановой сравнительный характер или охватывали значительный исторический период (см. [Vallet, 2004; Wright, 1997; Kohn, 2006; Di Prete, 2002; Solga, 2001; Immigrants... 2000; Warren, Hauser, 1997; Nettle, 2003] и др.).

Проблемное поле современных работ в этой области в значительной степени сосредоточено на исследовании динамики социальных структур трансформирующихся обществ. Такова, например, работа Х. Ишиды и группы соавторов [Ishida, Muller, Ridge, 1995], которые осуществили сравнительное исследование восьми развитых европейских и двух восточноевропейских стран. Они выявили характерные особенности воспроизводства разных социально-профессиональных слоев, а также проанализировали различия в социальном воспроизводстве в странах бывшего социалистического лагеря по сравнению с капиталистическими. Среди современных работ следует также отметить исследования В. Ни и Я. Биана [Nee, 1991; 1996; Bian, 2002], где анализируются трансформационные процессы в китайском обществе, а также работу Э. Вальдера [Walder, 1995], который на примере рассмотрения китайского общества анализировал проблему вертикальной мобильности, приводящей индивидов на верхние позиции в социальной иерархии трансформирующихся обществ социалистического типа. Помимо этого, проблеме изучения социальной мобильности и социального воспроизводства в постсоциалистических странах, в том числе и в России, уделяется внимание в [Structural... 2002; Gerber, 2002; Gerber, Hout, 2004; Aschaffenburg, Ineke, 1997].

В одной из последних фундаментальных публикаций по рассматриваемой проблематике [Mobility... 2006] большой группой специалистов предпринята попытка объединить сугубо социологический и экономический ракурсы. В противовес доминирующего уже несколько десятилетий эмпиризму в исследованиях социальной мобильности авторы обращают особое внимание на конструирование теоретических моделей, адекватно описывающих социальную реальность. В контексте возможных направлений для дальнейших исследований социальной мобильности авторы ставят вопрос о необходимости развития комплексного взгляда на динамику социальных структур, структур неравенства. Они предлагают обогатить существующее научное поле за счет включения в анализ макроэкономических факторов, среди которых наиболее значимыми представляются тенденции в развитии национальных и международных рынков труда, социально-экономические трансформации как в постсоциалистических, так и развитых капиталистических странах (появление новых типов “капитализма”), развитие новой мировой системы экономических отношений (глобализация) и т.д. (см., в частности, статью С. Моргана в рассматриваемой монографии).

Ряд статей содержит подтверждения тому, что в развитых обществах уменьшающееся равенство возможностей приводит к возрастающему реальному неравенству в построении карьеры. С особой позиции подошел к проблеме социальной мобильности Э. Аббот, обративший внимание на возрастающую сложность наложения индивидуальных карьер и межпоколенной передачи занятий/профессий и разделения труда. С одной стороны, жизнь индивида сама по себе обладает устойчивыми чертами и определенным темпом изменений, с другой – структуре рабочих мест присущ собственный темп изменений. При изучении мобильности наша задача – осмыслить взаимовлияние двух таких динамичных структур. При этом автор признает, что важность исследования социальной мобильности следует из политической значимости вопросов равных возможностей в либеральных обществах, а не из научной важности мобильности для понимания структуры занятости. История занятий показывает: одни и те же по названию занятия в связи с переменами в разделении труда за период даже в 30 лет содержательно различны. Связать позиции занятости за 50-летний интервал часто невозможно, дело в неидентичности занятий/профессий по их содержанию. Наконец, почти для любой профессии необходимы данные о ее “демографической продолжительности”. Например, с демографической точки зрения врач – профессия. А работник ресторана быстрого питания – лишь ступень, период жизни.

Вопрос о раскрытии проблемы социальной мобильности затруднен неустойчивостью во времени характера структур, в которых мы рассматриваем детей и родителей. Традиционное же решение этой проблемы – агрегирование до более устойчивых единиц – в определенной степени искажает предмет исследования. Ранее проведенные исследования показывают, что при объединении занятий в крупные группы или

ранжировании занятий по престижу огромное количество занятий сложно отнести к одному классу. Кроме того, необходимо различать смену занятий и смену работодателя. Аббот отмечает, что межпоколенная мобильность затрагивает сравнение карьерных траекторий родителя и его ребенка. Но должна ли профессия родителя фиксироваться на определенный момент, или мы можем ограничиться вопросом вроде “кто твой отец по профессии?”. Чаще всего вопросы по мобильности направлены на установление того, превзошли ли дети родителей, и решаются они сравнением профессии родителя в одной точке с профессией ребенка в другой точке.

Исследователи сталкиваются с серьезнейшими проблемами при изучении карьерной мобильности. Не случайно это направление изысканий почти прекратилось за последнюю четверть века. Одна из сложностей тут – сравнительные темпы развития карьер и режимов рынка труда. Большинство полагает, что факторы, влияющие на мобильность в течение рабочей жизни, экзогенны. Например, со стороны спроса это могут быть технологические изменения, со стороны предложения – иммиграция и изменение уровня образованности. Мы можем агрегировать эти факторы в нечто, что назовем режимом рынка труда. Карьеры обычно зависят от этого режима. Надо отметить, что режим рынка труда обычно меняется быстрее, чем карьеры. Типичная карьера длится примерно 40–50 лет, и за 40 лет карьера непременно столкнется с изменениями занятий/профессий и, как минимум, с одним изменением режима рынка труда в обществе, не говоря уже о менее значительных изменениях вроде технологии. То есть все карьеры находятся в меняющихся границах, зависящих от фундаментальных сдвигов в видах социальных сил, формирующих эти границы. Никто не мог завершить карьеру на примерно том же рынке труда, где он ее начинал. Из-за этого не вполне ясно, как можно рассматривать мобильность в концепциях карьер.

В качестве примера последствий недоучета характера и темпов изменений в структуре занятости в процессе стимулирования социальной мобильности как реализации равенства шансов в либеральном обществе Аббот останавливается на следующем, кстати говоря, значимом и для современного российского общества вопросе. Сейчас растет доля выпускников колледжей, но намного меньше увеличивается количество рабочих мест, требующих выпускников колледжа. Родители и дети, принимая решение о получении образования основываясь на текущей информации, не задумываются над тем, что прогнозируемая ими отдача от образования может резко упасть через 10 лет от чрезмерного предложения образованных кадров. То есть уровень образованности рабочей силы зависит от эндогенного процесса с временными лагами. В результате отдача от образования оказывается экзогенной в том плане, что оценки родителей и детей с точки зрения мобильности дадут нам рабочую силу, слишком образованную для предложения рабочих мест, резким падением отдачи на образование. И на это все уйдет куда меньше времени, чем длится средняя карьера.

* * *

Из избытка изысканий в области социальной мобильности я практически смог воспринять две кардинальные идеи. Первая – о наличии (наряду с социально-экономическими) культурных барьеров, ограничивающих возможности индивидуальных переходов к более высоким статусным позициям из низших слоев. Тип культурной среды, в которой пребывает младшее поколение этих слоев, зачастую создает серьезные преграды для их восходящей мобильности. В то же время сближенность материальных условий существования между рабочими и широкими слоями среднего класса приводит к тому, что нисходящая социальная мобильность принимает все большие масштабы в развитых западных странах. Более того, чем демократичнее страны, чем более равные шансы предоставляет гражданам хорошо поставленная система образования, где, как, например, в Финляндии, нет деления на элитарное и общедоступное, тем выше вероятность перемещений не только вверх, но и вниз по социальной лестнице. При этом, чем более открыто общество, тем меньше культурные преграды в связи с выравниваемостью образования, и, как следствие, тем больше выходцев из социальных

низов попадает в средние и высшие слои. Это первый момент, который надо зафиксировать на основе изучения международного научного опыта, обобщающего реальные практики развитых стран.

Вторая кардинальная идея, инициаторами которой являются такие видные ученые, как Д. Белл, М. Кастельс, Д. Грусски и ряд других, – проблема выдвижения на первый план в системе вертикальной восходящей мобильности и формирования элит такого принципа социальной селекции, как *меритократизм*. Этот принцип порожден приходом на смену классовой системе индустриального общества постиндустриального, информационного (сетевое), где классовая иерархия переплетается с усиливающейся иерархией по владению человеческим и культурным капиталами. В этом обществе и формируется меритократический принцип социальной селекции, при котором одаренные и хорошо образованные люди реально получают преимущества в социальном продвижении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Труды ЦНСИ. 1997. № 5.

Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья // Социологические исследования. 1992. № 12.

Брукинг Э. Интеллектуальный капитал. Ключ к успеху в новом тысячелетии. СПб., 2001.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI век. М., 2003.

Гвоздева Е. Высший слой российского чиновничества: автопортрет // Социальная реальность. 2007. № 1.

Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли “элиты” // Pro et Contra. 2007. № 3.

Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема “элиты” в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.

Иноземцев В. Глобализация и неравенство: что – причина, что – следствие? // Россия в глобальной политике. 2003. № 1. Январь–март.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.

Кругман П. Кредо либерала. М., 2009.

Россия и страны-члены Европейского союза. 2003. Статистический сборник. М., 2003.

Сафронов А. Компрадорская буржуазия и проблемы экономической отсталости // Свободная мысль. 2009. № 12.

Сафронов А. Концепция “сильного государства” и фракционная борьба российской правящей элиты // Свободная мысль. 2007. № 4.

Сорокин П. Общественный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М., 2002.

Хрящева А. К вопросу об условиях образования классов // Вестник статистики. 1922. Кн. XII. № 9–12.

Шкаратан О.И., Коломиец В.П. Крах во спасение (социально-генетические исследования советского режима) // Мир России. 1993. № 1.

Ястребов Г. Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы // Мир России. 2010. № 3.

Aschaffenburg K., Ineke M. Cultural and Educational Careers: the Dynamics of Social Reproduction // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. № 4.

Bertaux D. Destins personnels et structure de classe. Pour une critique de l'anthropologie politique. Paris, 1977.

Bian Y. Chinese Social Stratification and Social Mobility // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. № 1.

Blau P.M., Duncan O.D. The American Occupational Structure. New York, 1967.

Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in Education, Society and Culture. London, 1977.

Bourdieu P. The Education System and the Economy: Titles and Jobs // French Sociology. Rupture and Renewal since 1968. Edited by C.C.Lemert. 1981. № 9.

Breen R., Yaish M. Testing the Breen–Goldthorpe Model of Educational Decision Making // Mobility & Inequality: Frontiers of Research from Sociology & Economics. Stanford, 2006.

- Davies R., Heinesen E., Holm A.* The Relative Risk Aversion Hypothesis of Educational Choice // *Population Economics*. 2002. Vol. 15. № 4.
- Di Prete T.A.* Life Course Risks, Mobility Regimes and Mobility Consequences: a Comparison of Sweden, Germany, and the United States // *American Journal of Sociology*. 2002. September. Vol. 108. № 2.
- Duberman L.* *Social Inequality: Class and Caste in America*. New York, 1976.
- Featherman D.L., Hauser R.M.* *Opportunity and Change*. New York, 1978.
- Featherman D.L., Hauser R.M.* *The Process of Stratification: Trends and Analyses*. New York, 1977.
- Gerber T.P.* Structural Change and Post-socialist Stratification: Labor Market Transitions in Contemporary Russia // *American Sociological Review*. 2002. October. Vol. 67. № 5.
- Gerber T.P., Hout M.* Tightening Up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. № 5.
- Giddens A.* *The Growth of the New Middle Class. The New Middle Classes. Life-styles, Status Claims and Political Orientations*. London, 1995.
- Goldthorpe J., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J.* *The Affluent Worker: Industrial Attitudes and Behavior*. Cambridge, 1968.
- Goldthorpe J., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J.* *The Affluent Worker in the Class Structure*. Cambridge, 1969.
- Grusky D.B.* *The Past, Present and Future of Social Inequality // Social Stratification. Class, Race and Gender in Sociological Perspective (2nd edition)*. Boulder, 2001.
- Ishida H., Muller W., Ridge J.M.* Class Origin, Class Destination and Education: a Cross-national Study of Ten Industrial Nations // *American Journal of Sociology*. 1995. July. Vol. 101. № 1.
- Immigrants, Schooling and Social Mobility: Does Culture Make a Difference?* London, 2000.
- Kohn M.L.* *Change and Stability: a Cross-national Analysis of Social Structure and Personality*. Boulder, 2006.
- Lane D., Ross C.* *The Russian Political Elites, 1991–95: Recruitment and Renewal // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. New York, 1998.
- Marceau J.* *Class and Status in France: Economic Change and Social Immobility. 1945–1975*. Oxford, 1977.
- Mare R., Chang H.-C.* Family Attainment Norms and Educational Stratification in the United States and Taiwan: the Effects of Parents' School Transition // *Mobility & Inequality: Frontiers of Research from Sociology & Economics*. Stanford, 2006.
- Mobility & Inequality: Frontiers of Research from Sociology & Economics*. Stanford, 2006.
- Nee V.* Social Inequalities in Reforming State Socialism: Between Redistribution and Markets in China // *American Sociological Review*. 1991. June. Vol. 56. № 3.
- Nee V.* The Emergence of a Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China // *American Journal of Sociology*. 1996. January. Vol. 101. № 4.
- Need A., Jong U de.* Educational Differentials in the Netherlands: Testing Rational Action Theory // *Rationality and Society*. 2001. Vol. 13. № 1.
- Nettle D.* Intelligence and Class Mobility in the British Population // *British Journal of Psychology*. 2003. Vol. 94. № 4.
- Pocket World in Figures*. London, 2003.
- Schäfer B.* *Sozialstruktur und Wandel der Bundesrepublik Deutschland*. Stuttgart, 1976.
- Schienstock G.* From Path Dependency to Path Creation: Finland on its Way to the Knowledge-based Economy // *Current Sociology. Special Issue: Current Economic Sociology: Problems and Prospects*. 2007. January. Vol. 55. № 1.
- Schienstock G., Hämmäläinen T.* Transformation of the Finnish Innovation System: a Network Approach. Sitra Reports. Series 7. Helsinki, 2001.
- Solga H.* Longitudinal Surveys and the Study of the Occupational Mobility: Panel and Retrospective Design in Comparison // *Quality & Quantity*. 2001. August. Vol. 35. № 3.
- Structural Change and Modernization in Post-socialist Societies*. Hamburg, 2002.
- Vallet L.* Change in Intergenerational Class Mobility in France from the 1970s to the 1990s and its Explanations: an Analysis Following the CASMIN Approach // *Social Mobility in Europe*. Oxford–New York, 2004.
- Walder A.G.* Career Mobility and the Communist Political Order // *American Sociological Review*. 1995. January. Vol. 60. № 3.
- Warren J.R., Hauser M.R.* Social Stratification across Three Generations: New Evidence from the Wisconsin Longitudinal Study // *American Sociological Review*. 1997. August. Vol. 62. № 4.
- Wright E.* *Class Counts. Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge, 1997.